

Сидя в большой повозке, где утопал в шёлковых подушках[1], Хэ Ди с удовольствием наслаждался красотами природы, мелькающими за окном, без забот направляясь в столицу Тун — Тунцзэ.

Это необычное удовольствие, разумеется, было вызвано вовсе не драгоценным вином, наполняющим бокал, и не полученной, в соответствии со своим императорским происхождением, роскошью, от которой глаза на лоб лезли и язык немел[2], и даже не живописным пейзажем страны Тун. А поводом, естественно, служило то, что наивный силэйский князь Мин подписал мирный договор.

Благодаря стечению обстоятельств и неожиданно изменчивой политике тот порядочный, с холодной улыбкой на лице мужчина, от которого бросало в жар, теперь был в его, Хэ Ди, руках. Подобная мысль возбуждала сильнее, чем шантаж.

За данный период времени даньлинский принц хохотал больше, чем за последние годы. Что могло вызвать ещё больший интерес, как ни это? Ведь тот пылкий мужчина по имени Цзы Янь, не оборачиваясь, гордо спрыгнувший с борта корабля, словно выпущенная стрела, очень скоро будет вынужден подчиниться договору и последует за Хэ Ди в его владения.

— Ха-ха... — уголки губ изогнулись в зловещей улыбке. Ведь Цзы Янь просто-напросто не потерпит отлагательств, можно было не волноваться, Силэй не нарушит договорённости, в подобных делах Хэ Ди никогда не ошибался.

Силэйский император Жун Тянь является выдающимся человеком и, как все подобные личности, ни в коем случае не станет опрометчиво нарушать договор. О выгоде светящегося песка, да ещё и о его роли в изготовлении отборного оружия всем известно. То, что предложил принц — приманка, от которой ни одна страна не в силах отказаться.

Что же касается Даньлин, то материковое государство из всех остальных обязательно выберет лишь то, которое имеет огромные перспективы стать великой державой и поклянется в вечной с ним дружбе, и только.

— Кун Лю.

Открытая со всех четырёх сторон повозка отличалась от часто встречающейся однодверной, над каждой стороной располагалось золотое крепление, с которого свисали занавески, заслоняющие от ослепительных солнечных лучей.

Данная повозка позволяла Хэ Ди с комфортом передвигаться по стране, при этом не находясь на солнцепёке, и заодно наслаждаться открывающимся, как на ладони, живописным пейзажем.

Обернувшись, принц лениво позвал подчинённого, ехавшего рядом верхом на коне:

— Сколько ещё ли надо проехать до Тунцзэ?

— Ваше Высочество, уже недалеко, возможно, через три-четыре ли окажемся в пригороде Тунцзэ. — В обычно хмуром, как это было всегда, голосе хозяина острый на слух Кун Лю уловил шелковинку глубоко скрытой тоски, потому слуга с благоговейной улыбкой доложил: — Ваш подчинённый уже отправил людей с письмом к Его Высочеству Цин Ли, дабы он приказал слугам приготовить для принца временную резиденцию. Возможно, те готовые принять нас посланники уже ожидают за городскими воротами.

— Цин Ли? Ох, этот никудышный тип... — приглушённо рассмеялся Хэ Ди.

По пути случилось кое-что незначительное. Однажды глубокой ночью охрана схватила проезжавшего мимо всадника, коим оказалась женщина, прячущая лицо под маской.

Причина задержания была крайне простой: Хэ Ди взял с собой половину даньлинских охранников и половину лучших мастеров меча среди морских разбойников, и ладно бы охрана, но дерзкие хладнокровные пираты при появлении любого человека привыкли держать ухо востро.

Одинокая на большой дороге, скрывающая лицо под маской женщина, лицо которой искривилось, явно была взволнована. Да и как можно не заподозрить её, ведь возможно она притворялась, что едет мимо, а на самом деле шпионила за ними?!

Проводя обыск на глазах у Хэ Ди, охрана неожиданно обнаружила весьма интересное письмо. Печать очень сильно напоминала ту, что недавно молодой господин рода Сяо поставил в договоре, который, в свою очередь, даровал Его Высочеству Цзы Яня, но и содержание письма, к удивлению, имело огромную ценность.

Цин Ли, это сумасбродное и бесполезное ничтожество, целыми днями шумевшее, что желает свершить великое дело, совершенно не понимал причину, почему Хэ Ди отказался от Цин Чжана, выбрав его, Цин Ли, сторону, а всё потому, что сам принц Тун являлся довольно глупым человеком, которого легко можно было подчинить себе.

Оказывается, он даже свою жену не в силах контролировать, а величественная принцесса Его Высочества Цин Ли, кто бы мог подумать, тайно «спелась» с князем Мином из Силэй, выдав тайну, что её муженёк замыслил исподтишка убить князя. Прибыв в Тунцзэ, можно наблюдать любопытное зрелище. Эта служанка по имени Ши Минь чуть не покончила с собой, когда нашли при ней это письмо.

Подумав, что этому маленькому секрету можно будет найти хорошее применение, Хэ Ди повёл себя как благочестивый мужчина, которого даже спустя многие века не сыскал бы никто, и вынул недавно подписанный с князем Мином договор, который крайне нагло преподнёс Его Светлости.

— Не стоит бояться, эту тайну я, несомненно, сохраню вместо Вашей любимой принцессы. Так как я являюсь настоящим другом князю Мину. — И предоставленный договор как раз служил наилучшим доказательством слов Его Высочества.

На этот раз, проявляя кропотливость, Ло Нин, не думая, что Ши Минь станет сверять с другой подписью князя, смело подделал почерк Его Светлости в ответном письме.

Жун Ху заставлял бездельника князя, проведя много дней в заботе на большой джонке рода Сяо, тренироваться в каллиграфии. После исписанные красивым почерком листы были не нужны, но выкинуть их в воду рука не поднималась, вот так время от времени в руки Ло Нина и попадали «тетради» Его Светлости, а подделывать почерк благородной знати как раз являлось одной из привычек банды головорезов семьи Сяо.

В те дни, упражняясь в почерке князя, Ло Нин действительно ни о чём таком не думал, лишь усердно оттачивал мастерство каллиграфии, не более, когда же он писал от имени Фэн Мина и подписывал ответное письмо, то сделал это просто по привычке — почерком Его Светлости, тем самым выдавая себя за силэйского князя. Исходя из этого, стоило отметить, что мастера меча действительно обладали профессиональной нравственностью и привычками.

Ши Минь, разумеется, не подозревала о подобном обмане, но вот документ, переданный Хэ Ди, вызвал огромные сомнения и вопросы, и, держа в руках две бумаги, девушка долгое время сравнивала их между собой, после чего пришла к выводу: небрежная подпись почти такая же, что и в письме. Но вот касаясь печати, которая отличалась, то Хэ Ди крайне ловко пояснил, что тогда у князя под рукой её не было, а дело не терпело отлагательств, потому он, Фэн Мин, просто скрепил документ пальцем[3].

— В таком случае....

— Я немедленно отпущу Вас, отправляйтесь к принцессе Чан Лю и расскажите всё по поводу моего дела, нет необходимости что-либо скрывать, смело доложите, как есть, Её Высочеству.

Настроение Хэ Ди, который отпустил растроганную до слёз Ши Минь, значительно улучшилось. Ведь он, второй даньлинский принц, заполучил того мужчину, Цзы Яня, который не только теперь безоговорочно последует за ним, но и в свободное время перестанет интересоваться жизнью и смертью того силэйского князя Мина. Его Высочество был уверен: всё произошедшее недавно случилось с благоволения даньлинских небесных духов, которым он некогда приносил клятву.

Для уединённого за морем состоятельного и имеющего светящийся песок благодушного Даньлинь чем больше хаоса творилось на этом огромном клочке земли, тем лучше.

Хорошее настроение Хэ Ди по окончании пути не исчезло, так как по прибытию в пригород его не только встречали специально направленные к городским воротам посланники Его Высочества, но и сам Цин Ли, что, кстати, явилось неожиданностью.

Увидев приближающегося к нему принца с широкой улыбкой на лице, Хэ Ди, да что уж там он, даже его пальцы ног понимали[4] цель приезда Цин Ли.

— Прекрасно, наконец-то лично встретился с даньлинским принцем Хэ Ди. — Несмотря на бледность и распутный вид, очевидный с первого взгляда, сам Цин Ли всё же сохранил некоторые прекрасные манеры старшего принца.

Обменявшись друг с другом любезностями, Цин Ли любезно пригласил Хэ Ди в собственный временный дворец Тунъань.

— Во временной резиденции, в отличие от обычного дворца, не хватает изысканности, но одному там всё-таки можно прожить; если Ваше Высочество не отвергнет, прошу Вас[5] пройти за этим принцем.

— Хорошо.

И поскольку повозка Хэ Ди открывалась со всех сторон, можно было неплохо побеседовать. Чего не скажешь об огромной повозке принца, сотрясающей своим шумом воздух.

Когда два принца наконец прибыли в резиденцию Тунъань, даньлинский принц немедля вышел во внутренний двор, куда его любезно и гостеприимно пригласил Цин Ли, решив познакомить со своей горячо любимой красавицей Чан И:

— Чан И, это именно тот даньлинский принц Хэ Ди, о котором я много раз рассказывал, скорее поприветствуй его.

— Чан И приветствует Его Высочество Хэ Ди.

Сам же даньлинский принц, лишь мазнув по девушке взглядом, тотчас же понял, откуда у Цин Ли взяли бледность и крайне отвратительно-распутное выражение.

Дверь закрылась, после обмена любезностями разговор приобрёл более откровенный характер.

— Его Высочество прямодушен, на этот раз проделал путь в тысячу ли ради случившегося с моим отцом-императором, на что я, Цин Ли, не стану долго болтать[6]. По-правде говоря, мой враг, силэйский князь Мин, убивший моего отца, сегодня утром добрался до Тунцзэ вместе с моим отвратительным дядюшкой, — говорил Цин Ли с азартом, «выкладывая» свой план. — Я с принцем уже длительное время как побратим, да и немало отправлял Вашему Высочеству золота и красавиц, в этот раз я прошу принца оказать небольшую услугу — давно ходят слухи, что с помощью особого способа можно отлить из светящегося песка меч, превосходящий своей остротой любое другое лезвие в Поднебесной. Такое оружие обычному царствующему роду сложно достать даже за деньги, а вот приближённая охрана принца, как и остальная даньлинская стража, носит его за поясом. Это правда?

— Верно.

— Прекрасно! — потеряв руки, принц Тун внезапно принял серьёзное лицо. — Я дам втрое больше золота, дабы купить у Вашего Высочества двадцать даньлинских мечей. Ну как?

Холодно усмехаясь в душе, Хэ Ди спокойно смерил взглядом тунского принца и, искривив уголки губ, спросил:

— Старший принц Цин Ли хочет использовать эти клинки как орудие убийства князя Мина из Силэй?

— Именно! — Цин Ли с воодушевлением размечтался. — Я уже всё надлежащим образом распланировал, как только заполучу всепобеждающий меч, то уверенности прибавится ещё больше.

Внимательно рассмотрев глаза принца, Хэ Ди заметил лёгкую распушенность. И, с частичным осознанием в душе, даньлинский принц не проронил ни звука, продолжая наблюдать за потехой[7] Его Высочества.

— Оружие есть, но нельзя его сейчас давать тебе.

— А? Что это значит? Неужели мы не союзники? А как же моё золото и женщины, что присылал тебе...

— Хе-хе, Ваше Высочество Цин Ли не правильно понял: мы, конечно же, союзники. — И раскованный Хэ Ди без шелковинки легкомыслия пояснил: — Возможно, Ваши головорезы могут быть одурочены и, попавшись в плен, покончат жизнь самоубийством, тем самым не выдав Вас, однако при наличии наших даньлинских мечей люди князя могут узнать о моём соучастии. Давайте сделаем так, я позволю Вам обменять золото на меч, но пока я буду находиться в Тунцэ, Ваши люди будут тише воды, ниже травы. Иначе при обнаружении на теле мёртвого князя Мина или на месте убийства нашего даньлинского оружия, обвинят меня вместо Вашего Высочества, разве нет?

Объяснение звучало крайне логично, вынуждая Цин Ли на некоторое время оцепенеть, а после смущённо засмеяться:

— Ну, всё же Ваше Высочество Хэ Ди думает всесторонне, вот только...

— Не беспокойтесь, я не задержусь здесь надолго. А перед отъездом князя Мина из Тун сначала, безусловно, первым уеду я, тем самым развяжу руки Вашему Высочеству и дам время на осуществление задуманного.

— Тогда оружие..?

— Сначала золото, а когда я уеду, Вам сразу же передадут его.

— Хорошо! — расхохотался Цин Ли, протягивая бледную ладонь Хэ Ди. — По рукам, Ваше Высочество и впрямь прямодушен.

Ругая и называя себя в душе глупцом, Хэ Ди с улыбкой пожал руку тунского принца, после чего неожиданно спросил:

— Только что Ваше Высочество сказал, что князь Мин вместе со своими людьми сегодня утром прибыл в Тунцзэ?

— Верно, — кивнул Цин Ли и, скрежеща зубами, добавил: — Самый главный враг Тун и подлец, убивший моего отца-императора, кто бы мог подумать, осмелится с гордым видом явиться в столицу моей страны с царствующим дядюшкой под боком, да ещё в качестве почётного гостя, вот где возмутительно!

«Кроме всего прочего, дядюшка неожиданно взял да и позволил князю Мину войти в свою резиденцию, где тот и расположился, прямо-таки подписал себе смертный приговор! Благо он мой родной дядюшка, подожди, как только я взойду на престол, то определённо не прощу этого злодея, который подвёл моего отца-императора».

Тунский принц уже некоторое время пил пилюли и в последнее время ещё больше выжил из ума. Слушая, как Его Высочество болтает что ни попадя, Чан И в душе раскаивалась, что недавно позволила ему выпить слишком много лекарств, ведь если пешка, ещё не выполнив своё предназначение, немедля исчезнет, как объяснить случившееся царствующему дядюшке?

Глядя на сидящего сбоку с кривой ухмылкой дерзкого и источающего всем телом порочность даньлинского принца, Чан И ласково потянула рукав «возлюбленного» и сладким голосом зашебетала:

— Ваше Высочество-о, не нужно более говорить. Уже время позднее, мне надо переодеться, нанести макияж и отправляться в императорский дворец на сегодняшний вечерний банкет. Вашему Высочеству Хэ Ди тоже нужно переодеться и ехать туда?

У Чан И принц Тун ходил как по нитке[8], и, когда женщина прервала его слова, Цин Ли вовсе не разгневался, а, наоборот, хлопнув по лбу, сказал со смехом:

— Верно, сегодня же ещё императорский банкет, будь умницей, любовь моя, иди первой и принарядись, и чтобы красиво было, жемчугом смело укрась шейку, дабы затмить своей красотой эту дешёвую тварь, Чан Лю. Хе-хе, принц Хэ Ди, сегодня во дворце моего Тун будет проходить торжественный банкет, прошу обязательно соблаговоить явиться туда. На самом деле, этот принц хотел сегодня устроить банкет в честь Вашего приезда во дворец Тунъань, но, к сожалению, не думал, что несколько войск вместе со своими господами неожиданно явятся в один день, никого из них нельзя упускать из виду... Увы... Выхода не было, пришлось собрать

их вместе в стенах императорского дворца.

Хэ Ди также не удержался и полюбопытствовал:

— А кого именно нельзя упускать из виду?

— Во-первых, разумеется, Вас, даньлинского принца, который прибыл от лица своего императора, — рассмеялся Цин Ли, но улыбка была мимолётной, и вскоре лицо вновь помрачнело. — Во-вторых — мой царственный дядюшка, который, наплевав на честь Тун, посмел пригласить во дворец этого силэйского, чтоб он сдох, князя Мина — какого-то[9] там молодого господина рода Сяо!

— М-м. — На что Хэ Ди спросил: — Ещё и в-третьих есть?

— Разумеется. В-третьих, по сути дела, этот человек является, как и Вы, моим побратимом. — Цин Ли выглядел довольным собой и загадочно посмотрел на Хэ Ди, приглушённо добавив: — Это силэйский император Жун Тун, который отправил в Тун своих чжэнши[10] и фуши[11] с официальным письмом.

— М-м, — без раздумья отозвался даньлинский принц. — Посланник нынешнего императора Силэй? Сейчас стало ещё занятнее. — И на порочно-видном лице мужчины внезапно появилась странная улыбка. — Да, кстати, сначала хочу предупредить старшего принца: если князь Мин чисто случайно умрёт, этот принц не будет втянут в его смерть, ведь этот принц только для видимости хочет наладить отношения с князем Мином, временно объединившись с ним. И конечно, план старшего принца ни на волос не просочится из уст наших людей.

— Так...

— Старший принц не доверяет мне?

— Разумеется! Разумеется, доверяю!

В душе Хэ Ди презрительно уставился на союзника: «Даже если не доверяешь, что ты мне[12] сделаешь? Когда заполучу свою цель — Цзы Яня — и уеду в Даньлин, вы можете смело хоть до смерти драться. Лучший исход — светящийся песок всегда будет ценнее золота, а все, кто подумают о Цзы Яне, умрут. Все до единого».

Порой Хэ Ди считал, что не должен был рождаться в императорском роду, ведь на самом деле его душа полностью принадлежала любимому делу — морскому разбою.

Тун. Хэцин — резиденция царствующего дядюшки Цин Чжана.

— Пф! — Набранная в рот вода с шумом брызнула наружу, и князь, закашлявшись, с изумлением обернулся, пристально таращась на пришедшего доложить новости Жун Ху: — Кхэ-кхэ... Что? Кхэ... На сегодняшнем императорском банкете будет присутствовать силэйский посланник с официальным письмом?

Взволнованные Цю Лань вместе с Цю Юэ ослабшими и мягкими ручками поглаживали Фэн Мина по спине, утешая господина.

— А разве он не умер? — И Фэн Мин, снова обернувшись, спросил у Жун Тяня, нахмутив брови: — Я помню, когда впервые встретил тебя... кхэ, и вспоминаю, как ты впервые отвёл меня на заседание, где, похоже, обсуждалась смерть какого-то силэйского посланника, погибшего в землях Ли[13]?

Видя, что Фэн Мину никак не унять кашель, что пробивался сквозь слова, Жун Тянь взмахом руки отогнал Цю Лань с Цю Юэ и, обняв любимого феникса, сам стал поглаживать, успокаивая:

— Занимать должность официального посланника — значит представлять интересы императора Силэй перед всеми странами, более того, эта должность самая почётная для чиновника. После смерти того посланника в Ли, я назначил нового чиновника на эту должность, вот только Тун-эр сменил его, выбрав кого-то другого. — И взгляд чёрных глаз тотчас же пал на Жун Ху.

На что телохранитель продолжил доклад:

— Прежде назначенный государем посланник, как и остальные преданные государю чиновники, были уволены со своих должностей и переназначены на менее важные посты этим мятежником, а прибывшего сюда посланника зовут Хэ Юаньцзян.

— Оказывается, это та другая дрянь[14], — рассмеялся Жун Тянь и, подмигнув князю, который буквально вытаращился в ответ, пояснил: — С этим человеком ты тоже встречался, это прежний глава налогового управления, который просил у тебя совета насчёт новой налоговой системы, Хэ Шуйчан[15], по натуре он человек осторожный и трусливый, но происходит из большого уважаемого силэйского рода. А Тун-эр не тупица, поднял Хэ Юаньцзяна в должности, скорее всего, чтобы переманить его семью на свою сторону.

А, это тот старикашка, любитель поболтать о налогах и прочем.

Оказывается, он хорошо с ним знаком. Тут же вспомнив, благодаря Его Величеству, Фэн Мин умно протянул: «М-м». Жун Тянь, взглянув на действительно очаровательное лицо, не удержался и, вытянув палец, скользнул по чувствительной шее любимого феникса.

На что князь возмущённо вытаращился на молодого мужчину:

— Руки не распускай, сегодня мне ещё участвовать в серьёзной пирушке! Не мешай мне изучать предстоящую ситуацию! Жун Ху, продолжай!

— Слушаюсь, князь Мин. — Глядя на безумно и мило ругающихся господ, стало ужасно сладко, находящиеся внутри люди Жун Ху, вместе с самим приближённым охранником, невольно искренне ощутили полную уверенность и радость.

Повидавший множество ветров и волн[16] Жун Ху, в свою очередь, хоть и волновался за младшего брата, от которого по-прежнему не было каких-либо сообщений, ненадолго отпустил тревогу и, обнажив тёплую улыбку, продолжил рассказывать полученную новость:

— А фуши является Су Цзиньчао.

— И? — Это имя действительно не вызвало ни малейшей реакции. Неужели первое время, проведённое в стенах императорского дворца Силэй, князь учился совершенно не старательно и сейчас начисто забыл всё то, что преподавал ему Жун Ху? И имена чиновников тоже все запомнил?

Должность официального фуши также являлась высокопоставленной, и без оснований выдвигать нового чиновника на данное положение неприемлемо, либо, по крайней мере, выдвигающийся на эту должность человек обязан был занимать чиновничий ранг прежде, да?

Видя князя, задумчиво чешущего затылок и бросающего редкий взгляд на Жун Ху, при этом смущаясь и боясь, что все узнают, насколько «хорошо» он, Фэн Мин, учился раньше, Жун Тянь всё же избавил Его Светлость от всеобщего позора и, улыбнувшись, без насмешки, наоборот, даже с неким милосердием поведал:

— Этого человека ты действительно не знаешь. Су Цзиньчао не в больших летах, он младше тебя и меня на год, он является давним дружком[17] Тун-эра, с которым тот познакомился в столице, и поскольку он выходец из достаточно знатного рода, целыми днями создаёт ненужные проблемы, третирует, хамит, и этот император из-за того, что он обижал столичный народ, издеваясь над ним, некогда жаловал ему десять плетей. К сожалению, такая недостойная тварь, оказывается, стала официальным фуши, который лишь опорочит мою страну.

— Допустим, но опорочит только достоинство Тун-эра, и всё, — «по-домашнему» утешил Фэн Мин, после чего вновь спросил: — Он такой негодяй, и ты, став государем, должен будешь наказать его. После десяти ударов плетью он же изменится?

На что Жун Тянь горько усмехнулся:

— Кто изменится? Ты ошибочно полагаешь, что все такие послушные, как ты? Впоследствии, где бы ни появился, он всё так же угнетает добропорядочных граждан, вот только его семья, в конце концов, является семьёй высшего сановника[18] Силэй...

— Высшего сановника, а?

И Жун Ху напомнил:

— Дедушку[19] Су Цзиньчао, а именно Су И, Ваш подчинённый однажды упоминал во время нашего с Вами урока, когда рассказывал про церемониальные обряды императорского дворца и о том, кто ответственен за них. Помните?

— Ик... — по глупому виду князя было понятно, он начисто забыл обо всём.

Зачем в прошлом создавать так много рангов? И уж совсем перебор, что у каждой страны, во всех двенадцати, учреждённые чиновники были совершенно разными!

Цю Лань, заметив, что князь в затруднительном положении, спешно вышла из окружения близняшек и, подойдя к Фэн Мину, поклонилась, прося указаний:

— Время уже позднее. Не лучше ли сначала Вашей Светлости помыться и переодеться, ведь впереди ожидает величественный банкет во дворце Тун, на который являться в небрежном виде нельзя.

Фэн Мин, конечно же, понимал, что Цю Лань помогала выпутаться из сложившейся ситуации, и, в душе похвалив девушку за чуткость, немедля кивнул:

— Угу, сейчас сразу же переоденусь. — И ткнул пальцем в грудь Жун Тяня. — Этот князь Мин отправляется решать крайне важное дело, так что сегодня ночью не смогу составить тебе компанию, потому будь умницей[20], не таскайся нигде, а останься, дождись моего возвращения — я приду, и тогда поговорим.

Очень здорово! Раньше, благодаря воле Жун Тяня, он, князь, оставался в своих покоях, а сейчас император Силэй должен был скрываться и носа наружу не высовывать. Теперь настала очередь Его Светлости, высоко подняв голову[21], играть роль великого мужа, отправляющегося вершить огромные дела.

На что Жун Тянь, заключив в объятия, впился крепким поцелуем в губы любимого феникса:

— Когда ты придёшь, меня не увидишь.

— Что? — опешил Фэн Мин.

— Хэ Юаньцзян хоть и трусливый, на самом деле всё равно вполне себе умён и видит ситуацию как на ладони, его семья в силэйском дворце довольно влиятельная, да и редкость увидеть его здесь, этот император как раз хотел с ним встретиться. Если получится, этот император сегодня вечером намерен отыскать удобный случай, дабы тайком побеседовать с ним.

— Ну, Жун Тянь...

— Не волнуйся, я разве не сумел дерзко пробраться во дворец Тун? Во временные резиденции, где останавливаются чужеземные послы, пробраться гораздо проще.

Тревога отразилась на лице Его Светлости:

— Хочешь идти, не стану препятствовать, только возьми с собой Жун Ху, Цзы Яня и Мянью Я.

— Я возьму с собой Мянью Я, а Жун Ху с Цзы Янем запрещено даже на шаг отходить от тебя, — приказал Жун Тянь, не терпя отказа, и, пристально посмотрев на князя, с серьёзностью в голосе настоял: — Из-за твоего щекотливого положения, к тому же Цин Чжана, который на протяжении всего пути сопровождает тебя, возможно, никто не осмелится нанести тебе удар в стенах дворца Тун, вот только банкет как раз является таким местом, где могут чиниться препятствия, и тебе нужно быть осторожным.

— Препятствия? Но зачем им чинить мне препятствия?

Жун Тянь похлопал по пухлым упругим щёчкам Его Светлости, говоря со смехом:

— Ты — силэйский князь Мин, прославленный во всей Поднебесной и благоразумный человек.

«Да пошла к чёрту эта благоразумность! Теперь понимаю: репутация приносит слишком много неудач», — тут же подумал князь.

Надувшись и взяв с собой нескольких служанок, Фэн Мин отправился мыться и переодеваться, а Жун Тянь перед уходом шёпотом отдал распоряжения Жун Ху:

— Как только войдёте во дворец, наших людей разместите внутри, а людей рода Сяо снаружи для охраны и безопасности.

— Слушаюсь, Ваш подчинённый сначала согласует это с Ло Юнем из рода Сяо.

— Два силэйских посланника не осмелятся давать волю рукам, у Цин Ли также не хватит мужества, чтобы во дворце его отца-императора устраивать войну, вот только даньлинский принц Хэ Ди... — И Его Величество приглушённо добавил: — К нему нельзя относиться пренебрежительно, хоть он и является союзником, ни в коем случае нельзя допускать какого-либо общения между ним и Фэн Мином.

— Слушаюсь, Ваш подчинённый понял.

— Да, и ещё, пока Фэн Мин будет вволю веселиться в компании Цин Чжана, нужно отыскать расторопного человека, чтобы он мог постоянно следить за царствующим дядюшкой. — Молодой мужчина приподнял уголок губ, медленно обнажая шелковинку чёрстой улыбки. — Если что-то произойдёт на банкете, сразу же схватите Цин Чжана — угрожая его жизни, заставим императорского генерала Чжуан Пу пойти на компромисс — и, вместе защищая Фэн Мина, выведите его из дворца.

— Слушаюсь.

Грандиозный банкет, обречённый стать поистине захватывающим, наконец-то начался.

Примечания:

[1] 高枕 (gāozhěn) — гаочжэнь — подложить под голову высокую подушку; обр. в знач.: пребывать в беззаботном состоянии.

[2] Обр. в знач.: опешить, остолбенеть, онеметь, лишиться дара речи.

[3] 指印 (zhǐyìn) — чжиинь — отпечаток (оттиск) пальца; ставить отпечаток пальца вместо печати.

[4] 脚趾朝天想 (jiǎozhǐtou xiǎng) — цзяочжитоу сянь — дословно можно перевести как «думать пальцами ног», что означает «ситуация настолько очевидная, что даже пальцы ног, подумав, найдут решение». Русский аналог: «даже ежу понятно».

[5] Цин Ли говорит 尊 (zūn) — цзунь — что означает «уважаемый, почитаемый; благородный; вежл. Ваш».

[6] В оригинале фраза звучит 别说话 (bié shuō huà) — бу шо фэйхуа — её можно перевести как «без дальних разговоров» или «не нести бессмыслицу», «не болтать попусту».

[7] 场景 (hǎoxì) — хаоси — также можно перевести как «увлекательная (забавная) сцена (зрелище, представление)».

[8] 水如油 (shuǐ rú yóu) — бай и бай шунь — означает «понятливый и послушный; тише воды, ниже травы; ходить как по нитке».

[9] Цин Ли говорит это с неодобрением.

[10] 正使 (zhèngshǐ) — чжэнши — главный посол.

[11] 副使 (fùshǐ) — фуши — титул 6-й степени для родового старшины некитайских народностей, помощник (заместитель) посла.

[12] Хэ Ди называет себя Лао-цзы (老子), что означает обращение к себе в шутиливой или гневной форме.

[13] Фэн Мин имеет в виду события, произошедшие в 9-ой главе.

[14] Жун Тянь называет чиновника 东西 (dōngxī) — дунси — можно перевести как «вещь, предмет», но так же и «существо, тварь; бран. дрянь, сволочь, гад».

[15] Событие относится к 11-й главе.

[16] Обр. в знач.: события, происшествия, конфликт; разлад, осложнение; неприятность.

[17] Жун Тянь называет его 苟友 (gǒu yǒu réng yǒu) — гоужоу пэню — что можно перевести как «псина-друг», но есть фраза, которая вносит некое объяснение: 狐朋狗友 (hú péng gǒu yǒu) — ху пэн гоу ю — что образно означает «дурная компания; всякий сброд; разношерстная свора; подлые друзья». В качестве русского синонима этой фразы можно привести пословицу «рука руку моет, и обе чисты бывают», что означает круговую поруку, прикрытие неблагоприятных поступков.

[18] 重臣 (zhòng chén) — чжунчэнь — важный министр, высокопоставленный чиновник, высший сановник.

[19] Имеется в виду со стороны отца.

[20] Фэн Мин говорит «нихао» (你好 [nǐ hǎo]). Если считаете, что это никак не может означать «умницу», а так здороваются в Китае, спешим уточнить, в Китае так говорят только в одном случае — если вы малознакомый человек или иностранец, хотя учитель китайского говорил, что сейчас так в Китае ни с кем не здороваются. Проще перевести по-иероглифно, опираясь на контекст, то есть 你 (ни) — ты, 好 (хао) — хороший.

[21] В оригинале фраза звучит как «отвести душу и развеселиться», обр. воспрянуть духом; поднять голову.

<http://bllate.org/book/13377/1190246>